

ГЛАВА 4

– Да, понимаю теперь, почему ты сказала, что не стоит нам сюда ехать на Хаммере. На нем мы бы ехали в два раза дольше. И так два часа провели в дороге, – недовольно пробормотал Арсений, выбираясь из белого Мерседеса, припаркованного в поле. – И что, это и есть тот самый знаменитый анджунский фли-маркет? А где все хиппи? По-моему, тут все те же рожи, что были и в нашем отеле.

Возле маленького индийского автомобиля, припаркованного рядом, стояли две русские бабищи, которых Арсений видел в самолете. Чтобы распознать русских, не нужно было быть знатоком или долго жить за границей. Даже Арсению сразу было видно сограждан. Одна из «лучших» их представительниц стояла в полупрозрачной тунике, через которую легко можно было подсчитать количество жировых складок и разглядеть узор бикини. Красные от загара, жирные щеки блестели и напоминали спелый помидор. Апофеозом этой красоты был ее дорогой купальник, который прекрасно подошел бы обладательницам хороших попок, но на этой целлюлитной жопе 60-го размера он смотрелся, как на свиноматке. Тоненькие стринги прекрасно подчеркивали все ее пороки.

– Мадам, барабан, недорого, купи барабан, – кричали наперебой три торговца, с ног до головы обвешанные кустарными барабанами.
– Зин, ну что скажешь-то? Взять барабан Сережке-то моему? Пускай учится барабанить, – обратилась королева целлюлита к такой же слоподобной подружке.

Притихнув в ожидании барыша, молодые торговцы пялились на их жопы, пока тетки отвернулись от них, совещаясь. Завидев Арсения, двое барабанщиков тут же бросились к нему, перекрикивая друг друга: «Барабан, барабан, пятьсот рупий».

Впервые столкнувшись с таким напором, Арсений чуть не залез обратно в Мерседес, но вовремя подоспевшая Наталья тут же уверенно закричала на них: «Чело, чело, пагал*!!!».

Услышав знакомые слова, индусики заулыбались.

– Что ты улыбишься, чареча**, – отрезала она еще более сурово, и индусята тут же отступили.
– Ого, как здорово у тебя, Наташ, получается. Надо бы мне тоже так научиться.
– Со временем научитесь. Тут главное – спокойствие внутреннее соблюдать, – ответила она и важно зашагала вперед в сторону входа на рынок. – Эти уличные торговцы очень хорошо разбираются в психологии туристов. Видя хоть грамм сомнения, тревоги или страха в ваших глазах, они не отстанут и возьмут измором. Вы бы знали, какое количество этих дурацких барабанов туристы оставляют в отелях, не собираясь их везти домой. Я ему сейчас сказала «давай вали отсюда, придурок», но так как он подумал, что шучу, пришлось матом его покрыть. Так бы еще долго за нами перся.

Выйдя на асфальтовую дорогу, идущую вдоль кукурузного поля, заполненного сейчас припаркованными автомобилями, Арсений с Натальей влились в большую пеструю толпу туристов, желающих поскорей обменять свои кровные деньги на дурацкие сувениры. Это было только начало рынка, но Арсений уже устал от назойливых торговцев, сующих через каждые полметра ему под нос то бусики из какого-то говна, то криво вырезанных слоников, то барабаны из папье-маше.

– Значит, Арсений, вы говорите...
– Наташ, давай уже перейдем на ты, а то как-то очень странно таким образом разговаривать здесь, на блошином рынке. Ты ведь не будешь против.
– Как скажешь, Арсений. Расскажите... расскажи мне лучше, сколько же лет назад приехала сюда ваша возлюбленная и как ее звать? Как выглядела? Какие особенности?

* Пагал – (на хинди) дурак, идиот.

** Чареча – (на конкани) аналог матного русского слова «пиз...а»

– Света ее зовут, по-моему, – сморщив лоб, ответил Арсений, пытаясь вспомнить что-нибудь отличительное. – Фамилию ее не помню. Лет шесть-семь назад это было. Волосы светлые, фенечки там разные на руках. Ах да, есть одна особенность – пирсинг. Правда, на интимном месте он. Мне аж стыдно говорить где именно. Да и честно признаться, знал-то я ее всего час.

– Вот как? Ха! Пирсинг значит у нее там, – улыбнувшись, повторила Наташа, и наглым уверенным жестом отодвинула от лица назойливую руку индусского торговца с деревянными слониками. – Есть у меня одна знакомая, тоже любительница пирсинга на интимных местах. Сейчас познакомлю вас, ой прости ... тебя. Лет пять назад она, как и я, приехала сюда, чтобы заработать денег, попробовала тут психоделических грибов, и спятила. Нет, ну не спятила в том смысле, чтобы попасть в психушку, но говорит, что поняла смысл жизни и теперь не желает работать в том понимании, к которому мы все привыкли. Теперь большую часть времени она ошивается в Гоа на различных пати. Она сдает в Ростове свою квартиру, снимает в Анджуне дом, а по средам торгует здесь, вместе с мужем-филиппинцем, всякой херней для трансовых туристов. Ее зовут Галла.

– А кто такие трансовые туристы? Сектанты что ли какие?

– Да нет. Это обычные люди. В России они ничем не отличаются ото всех и приезжают сюда поиграть во фриков. Нарращивают себе дреды или наоборот, выбривают ирокезы, одеваются в особую одежду и живут тут пару месяцев в году, в основном употребляют наркотики и тусуются на пати, где играет транс-музыка.

– Такие вот, как эти? – перебил ее Арсений, показав пальцем на странных людей, неторопливо шагающих посреди всей этой суетливой толпы. Мужчина лет пятидесяти пяти с загорелой до бронзового отлива кожей вел за руку маленькую дочку. Сбитые в дреды седые волосы были такими длинными, что доставали до самой талии. Усы и борода так же были нереально длинными, почти до пупка. Из одежды на этом экзотичном персонаже были только простые белые штаны. Тело покрывали многочисленные восточные татуировки, а взгляд был столь глубок и гармоничен, что казалось, будто материальный мир его совсем не интересует. Он был европейцем, однако ни один торговец не приставал к нему, не совал под нос всякое сувенирное дерьмо. Он был словно невидим для них. Другим же туристам с мечущимися, сумасшедшими взглядами было нелегко пробираться сквозь назойливых торговцев. Его дочка лет десяти, с прической-одуванчик, была наряжена в пестрые, как у циркачей, одежды. Она спокойно примеряла странную резиновую обувь, похожую на смесь галош и сланцев.

– Нет, Арсений, это как раз настоящие фрики. Они здесь давно живут. А вон те ряженые, гляди, как раз во фриков играют, – сказала Наталья, показав взглядом на идущих невдалеке странных людей.

Впереди них, пробираясь сквозь толпу, торопливо шагала молодая пара. Яркая и очевидно дорогая, но странно скроенная одежда была совсем новой. Обуты они были в необычные тряпочные сапоги с разделенным большим пальцем ноги, и из-за этого напоминали копыта. У парня на бледном, видимо, только вчера выбритом черепе, кривовато торчал ирокез, обрамленный то ли порезами от тупой бритвы, то ли прыщами. У его спутницы с простым рязанским лицом были длинные, ниже талии, косички нереально розового цвета.

– Вот это классические трансовые туристы, – вполголоса произнесла Наташа, чтобы не привлекать внимания. Смотри, у них на плечах одинаковые знаки «ОМ» черным фломастером на санскрите нарисованы. Ни один уважающий себя фрик никогда не станет рисовать себе временную татуировку.

– А почему? И кто же они такие, эти фрики, что под них косить тут начинают?

– Такие временные татушки – это все равно как если на зоне очутился, а у тебя на спине ручкой купола нарисованы. Не поймут. А вообще наркоманы они все тут, драгдиллеры и прочие маргиналы. Хотя фрики бывают разные. Есть среди них и нормальные люди, есть и спятившие дауншифтеры. У последних денег дофига, но они просто так выпендриваются. Наворовали, видимо, бабла и скрываются здесь, разглагольствуя о духовном пути развития.

Влившись в барахолку, поток разношерстной толпы разделился на несколько направлений и слегка, но несильно, поредел. Теперь можно было спокойно смотреть «Индию» и не прижимать карман с наличными деньгами. Следовавший за Арсением попрошайка-индус с разукра-

шенной цветными тряпочками огромной коровой, переключившись на трансовых туристов, наконец-то перестал бормотать позади непонятные слова «бакшиш»^{***} и «пайса»^{****}. Палатки с индусским одноразовым, рассыпающимся и линяющим прямо на глазах ширпотребом сменили странные люди, торгующие не менее странными товарами. Арсению они все казались персонажами какого-то футуристического кино. Растянутые мочки ушей, в которые можно легко просунуть несколько пальцев, длинные дреды, тела, сплошь покрытые вязью татуировок. Кто все эти люди, похожие на персонажей фильма «Безумный Макс»? – думал Арсений, пытаясь представить себя на их месте. – Смог бы я, вот так же, как они, жить здесь и вести подобный образ жизни? Ходить в таких шмотках, носить дешевые украшения и улыбаться, как идиот, всем встречным людям? Нет. Однозначно нет. Не для того служил я родине столько лет, чтоб стать ровней этим маргиналам.

– А вон и Галла. Арсений, только подождите пока здесь, мне надо лично перекинуться с ней парой слов. Вдруг ей не захочется с вами общаться. Фрики, они такие, нормальных людей недолюбливают, могут и фотик разбить, если без спроса их щелкнете. Стойте здесь, сейчас я вернусь.

– Здравствуй Галлочка! Как поживаешь?

– Наташа! Ты? – удивилась красивая девушка, стоя возле лотка со странными украшениями, напоминающими какой-то садо-мазо стиль, и обняла, словно лучшую подругу, нашего гида. Все ее молодое личико было украшено пирсингом. Проколоты были брови, уши, нос, губы, щеки, язык. – Тысячу лет тебя не видела. Как же тебя угораздило в наши края заехать? Ты ведь не любишь север, фриков и фли-маркет.

– Работа у меня такая, приходится бывать. За деньги я и в ад буду туристов возить. Вон видишь позади меня лоха в шлепках с белыми носками, шортах, натянутых до пупа, и в дебильной шляпе? Вот это мой клиент. Богат ужасно, но и безумно жаден. Мне самой без шансов что-нибудь с него состричь. Но мой босс Суреш – профи по разводу жадин, он-то сейчас за него и принялся. Если все выгорит, заработаю на нем свои десять процентов. Сейчас же я на окладе, выгуливаю этого идиота. Он мне тоже немного платит. Предложил 500 баксов, чтобы я нашла ему его сбежавшую телку, которая залетела от него семь лет назад. Говорит, что хиппи она, светловолосая, лет двадцати пяти – тридцати, с пирсингом, как у тебя, в клиторе. Света ее зовут вроде, и сын у нее есть лет шести – семи. Не слыхала о такой?

– Да дофига тут в Гоа девок с детьми живут. Кто-то замуж снова выйдет, кто-то имя поменяет. Так, навскидку, Свету с ребенком вспомнить не могу. Но пошукать по друзьям можно.

– Вот и прекрасно, я сейчас тебя с этим идиотом познакомлю. Ты заряди ему сотку баксов в день, и пускай чтоб еще и все расходы оплачивал. Поездим по Гоа на Мерседесе недельку, а там видно будет. Найдем его бабу – премию попрошу. Договорились?

– Ох, лиса ты, Наташа. Неужто тебе нравится за бабки с разными уродами кататься? Когда же ты, наконец, семьей обзаведешься, попустишься с этой гонки за деньгами?

– Ой, Галла, наверное, тогда, когда, как ты, свой квантовый скачок под наркотой сделаю. Но сейчас мне этого не нужно. Пока мне бабки нужны. Я хоть и зарабатываю неплохо, но и трачу в десять раз больше, чем ты. Где же я, такая голодранка, себе мужа-то достойного найду? Вот как буду тут на Мерседесе ездить, так сразу выбор женихов появится. А то сейчас всем либо секс на халяву подавай, либо норвят за мой счет в ресторан сходить. Ну, так ты согласна мне помочь?

– Хорошо. Только я твоего лошка дурить не собираюсь. Честно с ним поезжу по всем тем местам, где найти его кралю можно. Найдем – хорошо, а не найдем – сама ему мозги пудри.

– Ну вот и договорились, Галлочка. Как хочешь. Только не забудь мне в конце мои десять процентов прислать. Ок?

– Окей, веди сюда твоего чела, знакомиться будем. Сегодня я занята, а вот завтра я хотела на водопады сгонять, отдохнуть. Давай там и поговорим о том, как найти его подружку.

*** Бакшиш – (на хинди)подаяние.

**** Пайса – (на хинди) монетка, копейка.